

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-2-6

УДК 93

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ СИРОТАМ И ДЕТЯМ,
ОСТАВШИМСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ,
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ**

Васильева М.А.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война поставила перед государственными и местными органами власти, общественными и благотворительными организациями, частными лицами непростую задачу – организовать необходимую помощь населению в сложное для государства время. Наиболее незащищенными в сложившейся ситуации оказались дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей.

Наряду с общими тенденциями оказания помощи социально уязвимым категориям населения, свойственными для Российской империи в целом, в каждом регионе в годы Первой Мировой войны существовали свои специфические черты и особенности этой практики.

Так, активное участие в призрении детей-сирот в Оренбургской губернии принимали органы местного самоуправления, а так же благотворительные фонды, комитеты и общества, созданные под эгидой членов императорского дома Романовых (Романовский комитет и Комитет имени Елизаветы Федоровны). Основные принципы оказания помощи детям были озвучены в докладе председателя Оренбургской губернской земской управы Н.А. Холодковского на 3-й очередной сессии Губернского земского собрания (1915).

Предпринятые меры способствовали стабилизации сложившейся ситуации в социальной сфере, однако, отсутствие общей координации действий в данном вопросе значительно усложняло своевременное оказание необходимой помощи всем нуждающимся.

Ключевые слова: *Первая мировая война; дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; призрение; земледельческие колонии; детские приюты; благотворительские комитеты.*

SOCIAL ASSISTANCE TO ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE, DURING THE FIRST WORLD WAR IN THE ORENBURG PROVINCE

Vasilieva M.A.

The First World War, which began in 1914, set before the public and local authorities, public and charitable organizations, individuals a formidable task – to provide the necessary assistance to the people in a difficult for the state time. The most vulnerable in this situation were orphans and children left without parental care.

Along with the general trends of social assistance to vulnerable groups peculiar to the Russian Empire as a whole, in each region during the First World War there were its own specific features and characteristics of the practice.

Thus, local authorities took active part in charity for orphans in the Orenburg province, as well as charitable foundations, committees and companies created under the auspices of the members of the Imperial House of Romanov (Romanovsky Committee and Committee after the name of Elizabeth Feodorovna). The basic principles of helping children were presented in the report of the Chairman of the Orenburg province Zemstvo N.A. Cholodkovskii on the third regular session of the Provincial Zemstvo Assembly (1915).

The taken measures have contributed to the stabilization of the situation in the social sphere, however, the lack of the overall coordination of actions in this matter greatly complicates timely provision of all necessary assistance to the all needed people.

Keywords: *The First World War; orphans; children left without parental care; charity; agricultural colonies; orphanages; welfare committees.*

Первая Мировая война стала переломным этапом в российской истории. Она подчинила своим интересам военные, экономические, людские ресурсы участвовавших в ней стран, оказала огромное влияние на изменение общественной психологии, морали и человеческих ценностей, имея поистине судьбоносное значение для народов многих стран, регионов и континентов.

Война потребовала от государств и общества безотлагательных и конкретных действий, поскольку влияние тягот военного времени (рост налогов и цен на продукты и предметы первой необходимости, снижение заработной платы, мобилизация мужского населения) привело к увеличению числа нуждающегося в помощи населения.

Несмотря на широкое развитие общественной и частной благотворительности в Российской империи в начале XX в., социальная помощь бедствующим категориям населения не носила системного характера, поскольку на государственном уровне в законодательном порядке

не были установлены категории лиц, имеющих право на социальную поддержку. Неопределенными оставались также источники финансирования социальной помощи, не были разграничены обязанности государственных органов, учреждений местного самоуправления и благотворительных обществ. Помощь инвалидам, сиротам, нищим оказывалась через разнообразные и не связанные между собой ведомственные, сословные, земские и городские учреждения, благотворительные общества, церковно-приходские попечительства и приказы общественного призрения. К особенностям системы функционирования социального обеспечения населения в Российской империи можно отнести и отсутствие государственно-организованной и централизованно финансируемой системы помощи бедным в случае бедствий и войн.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война поставила перед государственными и местными органами власти, общественными и благотворительными организациями, частными лицами непростую задачу – организовать необходимую помощь населению в сложное для государства время. Наиболее незащищенными в сложившейся ситуации оказались дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, о чем свидетельствуют исследования Е. Дзюбинской, В. Левитского, П. Люблинского, Н. Несмеянова, С. Гогеля [12, 13, 15, 16]. Авторами были рассмотрены наиболее распространенные в России в 1914-1917 гг. формы помощи детям, выявлены ее положительные стороны и недостатки. Например, Н. Несмеянов среди сиротских заведений, получивших развитие в России, выделил казарменные, поселковые приюты, трудовые колонии и оценил степень их «пригодности» к воспитанию детей, исходя из способности воспитанников реализовать свои знания и навыки, полученные в данных учреждениях, «во взрослой жизни». Казарменные приюты и колонии, как учреждения закрытого типа, подверглись серьезной критике Н. Несмеянова: «Жизнь здесь поневоле должна принять механические формы, которые нивелируют живое и подавляют индивидуальность... жизнь по команде, без теплоты и уюта – вот удел воспитанников таких приютов. Не давая счастливой жизни своим воспитанникам в настоящем, такие приюты не могут приготовить из них в будущем полезных, развитых и деятельных граждан» [16, с. 262-263]. Точку зрения Н. Несмеянова разделял В. Левитский, который считал, что дети в таких заведениях не воспитываются, а подвергаются «долголетнему маринованию... в нездоровой обстановке» [13, с. 184]. Поэтому они покидают приюты, «не зная жизни, теряясь при первых затруднениях» [13, с. 184]. В то же время Н. Несмеянов отмечал, что «воспитание сирот в семьях, хотя и было лишено таких недостатков, однако, как форма помощи детям оно не получило широкого развития в дореволюционной России» [16, с. 270].

По мнению Е. Дзюбинской: «Наиболее приемлемым способом помощи малолетним детям, матери которых несли ответственность за материальное благополучие семьи, являлось помещение их в народный детский сад». Данные заведения должны были защищать детей от пагубного влияния улицы, которому они подвергались в отсутствие должного родительского внимания, а нередко и от физической гибели, организовывать правильный уход за ними, заботиться о гармоничном развитии личности и, наконец, готовить их к получению дальнейшего образования [12, с. 625-634].

Исследованием устройства правительством земледельческих приютов для офицерских и солдатских сирот в разгар войны занимался П. Люблинский, который полагал, что данная форма поддержки подходит, главным образом, для подростков [14, с. 486].

Наряду с общими тенденциями оказания помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей в годы Первой Мировой войны, свойственными для Российской империи в целом, в каждом регионе существовали свои специфические черты и особенности.

На территории Оренбургской губернии о призрении детей-сирот заговорили в конце 1914 г., о чем свидетельствует доклад председателя Орской уездной земской управы С.Н. Смирнова на чрезвычайной сессии Орского уездного земского собрания.

В докладе отмечалось, что «официально призрение семейств запасных и ратников ополчения, призванных в ряды войск, законом 25 июля 1912 г. отнесено к обязанностям государства, но «долг и достоинство земских учреждений прийти и на помощь всем обездоленным по случаю войны». Особенное внимание, по мнению земства, должно быть обращено на призрение тех детей, которые с призывом их отцов в армию остались круглыми сиротами, а также детей при больных матерях.

Со своей стороны, Орская уездная земская управа предложила собственные, «наиболее подходящие в сложившейся ситуации варианты» призрения детей-сирот:

- 1) организация нескольких общежитий по уезду для призрения сирот на время войны;
- 2) размещение «сирот у желающих за какую-либо плату» [5, л. 6].

Для осуществления намеченных целей необходимо было выявить количество детей-сирот, которые остались в уезде с началом войны, и степень необходимости оказания им помощи. Поэтому Орской управой было предложено определить общее количество детей, оставшихся без отцов и матерей, принимая во внимание число призванных на службу, а также процент вдов и детей в возрасте от 0 до 15 лет. Расчеты показали, что число детей, оставшихся без попечения родителей, приблизительно составило около ста человек по уезду [5, л. 6 об.]. Опираясь на

полученные результаты, Управа предложила обустроить два общежития – одно на территории Преображенского завода, другое в г. Орске, или в одной из ближайших волостей.

На создание и содержание каждого общежития предполагалось выделить по 1500 рублей. Детей в общежитие должны были доставлять родственники или местные власти за счет Земства. Для наблюдения за надлежащим порядком и ухода за детьми из местных жителей предполагалось организовать попечительства, привлекая в них женщин, а также установить постоянный санитарный надзор [5, л. 6].

Вопрос об оказании социальной помощи сиротам рассматривался и в других уездных управах и собраниях.

Так, в начале 1915 г. председателем Оренбургской губернской земской управы Н.А. Холодковским на 3-й очередной сессии Губернского земского собрания был зачитан доклад «О призрении увеченных воинов и об открытии земледельческих приютов – колоний для детей сирот-воинов», в котором говорилось о необходимости оказания помощи детям-сиротам и полусиротам военнослужащих и солдат, погибшим на полях сражений. Поскольку основную часть сирот составляли дети крестьянского происхождения, для них предполагалось создавать сельские земледельческие приюты с обучением мастерству, «не отрывая их от своей среды» [20, л. 2].

Доклад Н.А. Холодковского основывался на материалах, полученных от Уездных управ. В докладной записке Челябинской уездной управы говорилось, что «Управа приглашает Уездное Собрание ходатайствовать перед Губернским Земским Собранием об открытии земледельческого приюта в первую очередь в Челябинском уезде» [20, л. 6]. Подтверждением данного обращения служат сведения о количестве детей в возрасте от 6 до 12 лет, представленные Челябинской Уездной Управой (т.е. той категории несовершеннолетних, которая, кроме общего призрения, нуждалась и в образовании). Согласно статистическим данным Управы, к началу войны в Челябинском уезде насчитывалось свыше 15 тыс. детей школьного возраста, из них свыше 13 тыс. человек имели обоих родителей, около 2 тыс. детей состояли в неполных семьях (имели одного из родителей), или совсем не имели родителей (табл. 1). Особое внимание местные власти обратили на последние две категории детей – имеющих только отцов, которых могли призвать на службу в армию, а также круглых сирот.

Таким образом, необходимость организации земледельческих приютов на территории Челябинского уезда была вызвана сложившейся социальной обстановкой, которая требовала реализации намеченных мероприятий земства в области призрения. [20, л. 6].

Таблица 1

*Общее число детей возрасте от 6 до 12 лет,
проживавших на территории Челябинского уезда [20, л. 6]*

Количество детей	мальчики	девочки	всего
Имеющих родителей	6805	6353	13138
Имеющих только матерей	848	798	1646
Имеющих только отцов	91	91	182
Круглые сироты	22	15	37
Всего	7766	7257	15023

Орская уездная управа представила следующие материалы: «в Орске Земством был открыт приют для призрения 100 детей нижних воинских чинов. В будущем, в целях улучшения условий жизни сирот, а также для получения образования и воспитания желательным было бы, по мнению Управы:

- 1) увеличить число 2-х классных училищ;
- 2) озаботиться устройством ремесленных сельскохозяйственных школ и учебно-показательных мастерских;
- 3) учредить несколько стипендий при 2-х классных начальных училищах и профессиональных» [20, л. 8].

Интересен тот факт, что Оренбургская уездная земская управа, Оренбургская городская дума, Верхнеуральско-Троицкое земское собрание подобных сообщений о необходимости оказания помощи нуждающимся детям в период Первой мировой войны в Оренбургскую губернскую земскую управу не представили.

Земледельческие приюты, согласно указу от 7 июля 1915 г., состояли в ведении Главного управления земледелия и землеустройства, при котором учреждался Совет по делам земледельческих приютов. В функциональные обязанности Совета по делам земледельческих приютов входило:

- разработка примерных программ профессионального образования и воспитания призреваемых;
- подготовка планов организации приютских хозяйств;
- рассмотрение дел по отводу земледельческим приютам необходимых земельных участков (для ведения ими собственного хозяйства);

- удовлетворение ходатайств о льготном отпуске леса на постройки и дров на отопление из ближайших казенных лесных дач;
- отчисление ежегодных пособий на обучение детей сельскому хозяйству, кустарным промыслам и ремеслам [20, л. 14].

Наблюдение за деятельностью земледельческих приютов возлагалось на губернские и уездные земские учреждения. Высшее руководство «постановкой в земледельческих приютах дела призрения и назначения дополнительных к местным источникам пособий на устройство и содержание приютов» вверялось утвержденному 29 июня 1914 г. Романовскому Комитету, который занимал особое место в ряду государственных благотворительных организаций, находящийся «под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством» [20, л. 14].

Следует отметить, что деятельность особых благотворительных фондов, комитетов и обществ, созданных под эгидой членов императорского дома Романовых, не была четко регламентирована, но они имели огромные преимущества в субсидировании от казны и от членов императорского дома, во внимании общества, которое обеспечивалось с помощью регулярного информационного освещения их деятельности в средствах массовой информации (газеты, радио, афиши, плакаты и др.).

Романовский комитет был основан в честь 300-летия Дома Романовых «в целях призрения сирот сельского населения без различий сословий и вероисповеданий, а равно для объединения правительственной, общественной и частной деятельности в этом направлении» [19, с. 15]. Он отпускал периодические и единовременные пособия земским учреждениям, сельским обществам, волостям, станицам, поселковым обществам, сельским церковно-приходским попечительствам, приходам, братствам, монастырям, благотворительным учреждениям и обществам, а также частным благотворителям на расширение и создание новых учреждений по призрению детей. Размер пособия составлял половину расходов, произведенных учредителями на содержание благотворительного заведения [15, с. 116].

Под влиянием военных событий 1914 г. рамки деятельности Романовского комитета значительно расширились и распространились на учреждения, которые призревали детей нижних чинов, находящихся на службе в действующей армии. Теперь денежная помощь направлялась не только сельским, но и городским благотворительным учреждениям, если в них призревались сельские сироты и дети воинов. Однако, как подчеркивалось во Всеподданнейшем отчете Романовского комитета за 1915 г., «главное внимание уделялось поощрению развития призрения сирот крестьян и воинов в условиях сельской жизни» [18, с. 161].

В Оренбургской губернии отделение Романовского Комитета, принимало активное участие не только в образовании детских приютов, но и в организации их деятельности. Так, 21 сентября 1916 г. на IV очередной сессии Оренбургского уездного земского собрания был рассмотрен доклад № 59 Оренбургской уездной земской управы «О реформе и содержании Белозерского и Сеиткуловского приютов в 1917 году», в котором была представлена краткая характеристика каждого из приютов и предложены меры по улучшению их деятельности.

Белозерский приют размещался в здании министерского 2-х классного училища. Спальня для сирот, рассчитанная на 20 человек, помещалась в одном из классов. Площадь класса, за исключением тесных проходов у стен, была занята нарами. Обедали дети в столовой возле кухни. Во время учебных занятий они занимались в школе вместе с другими учениками училища. Однако с момента открытия приюта, занятия по ручному и физическому труду не проводились, внешкольные занятия не организовывались [7, л. 372-372 об.]. В результате проверки, проведенной Оренбургской уездной земской управой, было принято решение коренным образом реформировать деятельность Белозерского приюта.

Начать предполагалось с поиска в одном из селений уезда подходящего помещения, соответствующего санитарно-эпидемиологическим нормам того времени, и организации при нем мастерских для обучения ремеслам. Место должно было быть выбрано таким образом, чтобы непрошедшие курс начальной школы воспитанники могли посещать местные или ближайšie к приюту училища. Летом планировалось организовать занятия по сельскому хозяйству, чтобы обеспечить начало функционирования детской трудовой колонии. На содержание и покупку необходимого оборудования для организации Белозерского приюта на новом месте требовалось около 7 тыс. рублей. Основными статьями расходов стали: наем помещения, отопление, освещение, выплата жалований работникам приюта, обувь и одежда для воспитанников, питание, оборудование мастерских. [7, л. 373-373 об.].

Сеиткуловский приют также размещался в здании министерского училища, но имел при себе собственное общежитие, где жили учащиеся училища и воспитанники приюта (30 человек). При училище располагались мастерские, кузнечная, слесарная, столярная, где для детей-сирот проводили дополнительные профессиональные курсы. Однако в целях качественного улучшения деятельности данного приюта предлагалось в летнее время силами воспитанников возделывать огород, имеющийся при училище; организовать работу по разведению пчел, кроликов и другой живности, и, таким образом, через сельскохозяйственные мероприятия приучать детей-сирот к ведению собственного хозяйства. [7, л. 372 об. - 373].

Следует отметить, что в вышеназванных приютах воспитывались только мальчики, девочки-сироты в них не призревались. Данное обстоятельство было отмечено в докладе Оренбургской уездной земской управы, где говорилось, что «девочки еще более чем мальчики нуждаются в бережном отношении к их личности». Управой было предложено, в качестве временной меры, попросить Романовский Комитет о пособии на учреждение стипендий для девочек-сирот и полусирот сельского звания в размере, не превышающем половины всей расходуемой на стипендии суммы, а также поднять вопрос на очередном Уездном земском собрании об учреждении на территории Оренбургского уезда приюта для девочек-сирот [7, л. 374].

Значительную роль в деле призрения детей погибших воинов играл «Комитет имени Елисаветы Федоровны», учрежденный 11 августа 1914 г. императором Николаем II. Целью его деятельности являлось устройство и объединение благотворительной помощи «семьям лиц, призванных в армию». По Уставу, Комитет должен был оказывать помощь семьям убитых и увечных на войне; заботиться о внебрачных детях и их матерях, чьи отцы призваны на войну; «о семьях всех нижних чинов».

Формами работы стали:

- организация трудовой помощи;
- призрение детей, денежная помощь особо нуждающимся;
- сбор средств для оказания помощи продуктами, одеждой и пособиями.

Согласно имеющимся статистическим данным, к 11 августа 1915 г. было образовано 85 губернских отделений комитета, 505 уездных комиссий, которые были объединены с 4 тыс. мелких благотворительных учреждений Оренбургского края [11, л. 2]. Так, в 1916 г. на IV очередной сессии Оренбургского уездного земского собрания заслушивался доклад № 108 Оренбургской уездной земской управы «О пособии на приют, открываемый Елизаветинским Комитетом», из которого следует, что управляющий делами отделения Комитета В.Н. Фиксен обратился в Управу с просьбой об ассигновании посильной суммы на оборудование и содержание вновь открываемого в г. Оренбурге для детей воинов приюта имени Великой Княгини Елизаветы Федоровны [7, л. 473].

В данном приюте должны были содержаться не только сироты убитых воинов, но также солдаты, потерявшие трудоспособность. Разместить приют предполагалось на территории маслобойного завода, пожертвованной К.Д. Брагиным (занимающего должность директора приюта Св. Ольги в г. Оренбурге), однако Оренбургская земельная комиссия отметила, что, «имея в виду громадную ценность участка под заводом, городу было бы удобнее отвести не-

обходимый для приюта участок на Маяке бесплатно, ассигновав средства на перенос всех построек на новое место». [8, л. 11].

Разбирательство по данному вопросу шло несколько месяцев и было вынесено на рассмотрение Оренбургской городской думы. В результате длительных споров и по настоянию Оренбургского Губернатора о скорейшем открытии приюта в г. Оренбурге, 4 января 1917 г. городская Дума определила: «а) под предполагаемый к открытию Оренбургским Отделением Комитета Ея Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны приют для сирот убитых или утративших трудоспособность воинов, убежище самих воинов и мастерские – отвести участок городской земли, находящейся в аренде у К.Д. Брагина под маслобойным заводом, пристройки коего им пожертвованы под этот приют; б) прирезать к этому участку, согласно прилагаемой выкопировки, лежащий за этим участком – еще пустопорожний участок в ширину в 38 сажень и в глубину 76 сажень; в) за весь отводимый под означенный приют участок земли взимать налог один рубль в год, причем поставить обязательством в случае, если по достижении цели означенного приюта последний будет закрыт и не будет открыт приют, – общего характера, – отводимая земля и возведенные на ней постройки приюта должны быть переданы в распоряжения города» [8, л. 12].

Следует отметить, что органы городского самоуправления также активно принимали участие в оказание социальной помощи детям-сиротам, о чем свидетельствуют Журналы заседаний городской думы. Так, на заседании Оренбургской городской думы 10 сентября 1914 г. обсуждалось обращение директора приюта Святой Ольги К.Д. Брагина «об отпуске с городских маячных каменоломен для постройки нового здания для приюта 25-ти кубических сажень камня 2-го сорта бесплатно» [4, л. 28]. Выслушав доклад городская дума единогласно определила: отпустить с городских каменоломен администрации детского приюта Святой Ольги для расширения существовавшего здания приюта 25-ти кубических сажень камня 2-ого сорта бесплатно [4, л. 28 об.].

В мае 1915 г. в Оренбургскую городскую думу с ходатайством обратилась Попечительница Оренбургского приюта подкидышей. В обращении она просила увеличить плату за содержание детей, отдаваемых на воспитание в приют, вследствие «вздорожания жизненных припасов». В своем прошении Попечительница отмечала, что «дети содержатся плохо, почему и смертность с начала войны возросла». [8, л. 17]. Подобные ходатайства поступали и от мещан, воспитывающих у себя детей, взятых из Оренбургского приюта подкидышей. Из подготовленной членами Оренбургской городской управы справки видно, что к июлю 1915 г. на содержание

ребенка от 0 до 6 лет выделялось 4 руб., свыше этого возраста – 3 руб. в месяц [8, л. 17 об.]. В то время как цены на предметы первой необходимости неуклонно росли, об этом свидетельствует рост цен на хлебную продукцию. Так, в 1913 г. цена за один пуд ржи составляла 62 коп., за 1 пуд пшеницы – 80 коп., за 1 пуд овса – 60 коп., то в 1914 г. рожь стоила 82 коп. за 1 пуд, пшеница – 1 руб., овес – 80 коп. [3, л. 49]. В 1915 г. цена на рожь варьировалась от 1руб. 05 коп. до 1 руб. 12 коп., на пшеницу – от 1 руб. 40 коп. до 1руб. 62 коп., за овес – от 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 40 коп. за пуд [21, с. 3].

Обсудив изложенное и принимая во внимание подорожание жизни, Оренбургская городская дума единогласно определила: «увеличить плату за воспитание подкинутых детей в следующем размере: до 6-ти летнего возраста по 8 руб., а свыше этого возраста по 6 руб. в месяц за каждого ребенка». [8, л. 18]. При этом дума обратилась с просьбой к санитарным попечителям – осуществлять надлежащий контроль за воспитанием подкидышей, отдаваемых частным лицам.

Городской думой также рассматривались обращения и заявления гласных Оренбургской городской управы, касающиеся деятельности действовавших на вверенном им участке детских приютов и сиротских домов. Так, гласный оренбургской городской управы Н.В. Кузьмин сообщил, что в Ермолаевском приюте г. Оренбурга дети лиц, призванных на военную службу, «не обучаются грамоте за неимением учителя» и предложил «для обучения детей школьного возраста нанять за счет города особого учителя и возбудить ходатайство о передаче вышеуказанного учреждения в ведение города». Данное предложение было единогласно утверждено 2 сентября 1915 г. за подписью заступающего на место городского головы Н.А. Иванова [8, л. 121].

На заседании Челябинской городской думы 3 января 1913 г. рассматривались заявление И.А. Каткова о пожертвовании 3 тыс. рублей на строительство приюта для воспитания детей до 3-х летнего возраста, а также доклад городского головы о получении пожертвованных И.А. Катковым денег для приюта. Выслушав заявление и доклад Челябинская городская дума определила:

- 1 – на основании п. 15 ст. 63. Гор. Полож. 11 июня 1892 г. сделанное И.А. Катковым пожертвование принять в ведение города и выразить от лица думы благодарность г. И.А. Каткову;
- 2 – просить Финансовую Комиссию, при участии И.А. Каткова и Попечительского Совета Городского Детского Приюта, разработать вопрос о призрении детей и постройки дома для приюта [17, л. 29-29 об.].

В результате проделанной работы, к концу 1914 г. был разработан Устав Челябинского городского детского приюта для подкидышей, однако приют так и не начал действовать. В июле 1917 г. на заседании городской управы председателем П.В. Ивановым был вновь поднят вопрос о создании в г. Челябинске приюта для подкидышей. Данная необходимость объяснялась тем, что «дети-подкидыши воспитываются у разных лиц, расселенных по всему городу и слободам, которые изъявили желание брать детей на воспитание. В каких условиях протекает жизнь детей не известно, так как правильного надзора за этим не существует». [17, л. 12] В своем докладе П.В. Иванов обратил внимание на то, что в городской управе хранится специальный капитал в размере 3 тыс. рублей, пожертвованных И.А. Катковым для создания в г. Челябинске приюта для подкидышей.

После обмена мнениями собрание признало необходимым устройство в городе для детей-подкидышей специального приюта, и постановило:

1. Все лица, присутствующие на собрании, считаются членами организованной комиссии по устройству приюта для детей-подкидышей.

2. Извлечь из Архива Городской Управы «Устав Детского Убежища Ясли» для просмотра и если таковой подойдет, то воспользоваться им в целом или с изменениями;

3. Об организовавшейся Комиссии по устройству приюта доложить Городской Думе через особую депутацию в лице избранных Г.М. Боровикова, Н.В. Агаповой, И.И. Гриновича и А.А. Бакалинской, которым также поручается ходатайствовать пред думой об отпуске ежегодно средств в сумме 1200 рублей на содержание приюта.

4. Обратиться с ходатайством о денежной помощи в следующие организации:

- во врачебно-продовольственный комитет общества русских врачей в память Пирогова;
- во Всероссийское Попечительство об охране материнства и младенчества;
- в Попечительство трудовой помощи;
- в местные лазареты обратиться с просьбой о пожертвовании в пользу Приюта старого белья. [17, л. 7-7 об.].

В октябре 1915 г. был заслушан доклад Городской управы о возбуждении ходатайства пред Оренбургским губернским земским собранием об устройстве в г. Челябинске на губернские земские средства сиропитательного приюта и приюта для немощных и престарелых лиц. Основанием для этого послужил тот факт, что в Управу полицией доставлялись не только те подкидыши, которые были найдены на территории города, но и те, которые были оставлены на полосе отчуждения железной дороги, в переселенческом пункте или в других местах, не входящих в городскую черту.

Во время обсуждения настоящего вопроса, принимая во внимание, что для учреждения сиропитательного приюта было необходимо участие в расходах губернского земства, городская дума определила: доклад городской управы принять к сведению и уполномочить городского голову возбудить ходатайство перед Оренбургским губернским земским собранием об открытии в г. Челябинске за счет губернского земства сиропитательного дома для подкидышей [6, л. 38 об. - 39].

В заключении хотелось бы отметить, что за годы Первой Мировой войны на территории Оренбургской губернии действовало 22 благотворительных учреждения, занимавшихся призреванием детей-сирот (6 – в г. Оренбурге, 9 – в г. Челябинске и Челябинском уезде, 5 – в г. Троицке, 1 – в Орске, 1 – Верхнеуральском уезде), из них 11 были созданы с 1914 по 1917 гг. при поддержке императорских благотворительных комитетов, а также общественных организаций и частных лиц. [10, л. 5-6].

Подводя общий итог исследованию, мы можем констатировать, что предпринятые оренбургскими губернскими и местными органами власти, общественными и благотворительными организациями и частными лицами меры по оказанию помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей в годы Первой мировой войны, способствовали стабилизации сложившейся ситуации в социальной сфере в Оренбургской губернии. Однако, отсутствие общей координации действий в данном вопросе значительно усложняло своевременное оказание необходимой помощи всем нуждающимся.

Список литературы

1. Беляков В.В. Сиротские детские учреждения в России. – М.: Педагогика, 1993. 295 с.
2. Гогель С. Проект закона о государственном призрении детей // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 5. С. 363-384.
3. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 145, л. 48-49.
4. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 208, л. 28-28 об.
5. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 189, л. 6-7.
6. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 257, л. 38-39.
7. ГАОО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 288, л. 3741-374 об., 473.
8. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 86, л. 17-18, 121-121 об.
9. ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 95, л. 11-126.
10. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 241, л. 5-6.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 640. Оп. 1. Д. 30.
12. Дзюбинская Е. Народный детский сад как один из способов призрения детей запасных // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6-7. С. 625-634.
13. Левитский В. Очередные задачи общественного призрения детей в г. Киеве. С. 177-189.
14. Люблинский П. О призрении сирот воинов // Призрение и благотворительность в России. 1915. № 8-Ю. С. 484-495;
15. Неделевский А.П. Благотворительная деятельность Романовского, Алексеевского и Александровского комитетов в годы Первой мировой войны // Боевое братство славян на защите мира: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: С.А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2012. С. 114-121.
16. Несмеянов Н. О формах призрения детей // Призрение и благотворительность в России. 1916. № 4. С. 262-263, 253-274.
17. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). ФИ. 3. Оп. 1. Д. 11236.
18. Прохоров, В. Этапы развития благотворительности в России / В. Прохоров // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 158-164.
19. Справочник по вопросам организации помощи увечным воинам. – М., 1917. С. 15.
20. Холодковский Н.А. О призрении увечных воинов и об открытии земледельческих приютов – колоний для детей сирот-воинов // Доклад в Оренбургское Губернское Земское собрание 3-й очередной сессии Губернской управы. 1915, л. 1-17.
21. Хроника // Оренбургское слово. 1915. № 12. С. 3.

References

1. V. Belyakov *Sirotskie detskie uchrezhdeniya v Rossii*. [Orphan children's institutions in Russia]. – М.: Pedagogy, 1993. 295 p.
2. Gogel С. *Proekt zakona o gosudarstvennom prizrenii detey* [Draft law on state charity children] // charity and philanthropy in Russia. 1916. № 5. Pp. 363-384.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* [The State Archives of the Orenburg region] (GAOO). F. 10. Op. 2. D. 145. L. 48-49.
4. GAOO. F. 15. Op. 1. D. 208. L. 28-28 vol.
5. GAOO. F. 15. Op. 1. D. 189. L. 6-7.

6. GAOO. F. 15. Op. 1. D. 257. L. 38-39.
7. GAOO. F. 15. Op. 1. D. 288. L. 3741-374 vol., 473.
8. GAOO. F. 41. Op. 1. D. 86. L. 17-18, 121-121 vol.
9. GAOO. F. 41. Op. 1. D. 95. L. 11-12b.
10. GAOO. F. 164. Op. 1. D. 241. L. 5-6.
11. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation] (SARF). F. 640. Op. 1. D. 30.
12. Dzioubinskaya Y. *Narodnyy detskiy sad kak odin iz sposobov prizreniya detey zapasnykh* [People kindergarten as a way to spare the children charity] // charity and philanthropy in Russia. 1914. № 6-7. Pp. 625-634.
13. V. Levitsky *Ocherednye zadachi obshchestvennogo prizreniya detey v g. Kieve* [Immediate Tasks of public charity children in Kiev]. Pp. 177-189.
14. Lublinsky, *O prizrenii sirot voynov* [On charity for orphans of soldiers] // charity and philanthropy in Russia. 1915. № 8. Pp. 484-495.
15. Nedelevsky A.P. *Blagotvoritel'naya deyatel'nost' Romanovskogo, Alekseevskogo i Aleksandrovs-kogo komitetov v gody Pervoy mirovoy voyny* [Charitable activities Romanovsky, Alekseevsky and Alexander committees during the First World War] // Combat Brotherhood Slavs on the protection of the world: Sat. scientific. Art. / YKSUG them. Kupala; Editorial Board.: S.A. Pyvovarchyk (Sec. Ed.) [et al.]. – Grodno: YKSUG, 2012. Pp. 114-121.
16. N. Nesmejanov *O formakh prizreniya detey* [Forms charity children] // charity and philanthropy in Russia. 1916. № 4. Pp. 262-263, 253-274.
17. *Ob'edinenny gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti* [United State Archive of the Chelyabinsk region] (OGACHO). FI. 3. Op. 1. D. 11236.
18. Prokhorov, V. *Etapy razvitiya blagotvoritel'nosti v Rossii* [Stages of development of charity in Russia] / Prokhorov // Questions of history. 2005. № 3. Pp. 158-164.
19. *Spravochnik po voprosam organizatsii pomoshchi uvechnym voynam* [Handbook on aid organizations maimed soldiers]. – M., 1917. P. 15.
20. Kholodkovsky N.A. *O prizrenii uvechennykh voynov i ob otkrytii zemledel'cheskikh priyutov – koloniy dlya detey sirot-voynov* [About charity mutilation soldiers and the opening of agricultural shelters – colony for orphans warriors] // Report of the Orenburg Provincial Provincial Assembly third regular session of the provincial council. – L., 1915. Pp. 1-17.
21. *Khronika* [Chronicle] // Orenburg word. 1915. № 12. P. 3.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Васильева Мария Александровна, аспирант 2 года обучения
Оренбургский государственный педагогический университет
ул. Советская, 19, г. Оренбург, Оренбургская обл., Россия
e-mail: vasieleva90@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vasilyeva Maria Alexandrovna, post-graduate training 2 years
Orenburg State Pedagogical University
19, Sovetskaya st., Orenburg, Orenburg region, Russia
e-mail: vasieleva90@yandex.ru